

Антропологический треугольник

Именно система университетского образования оказывает наиболее консервативной частью данной отрасли науки, сохраняя в себе многие «пережитки» ее первобытного состояния до начала эпохи «великого раскола». Одним из таких пережитков является парность понятий этнографии (социальной / культурной антропологии) и физической (биологической) антропологии. Различие между национальными традициями выражается в степени сближения этих дисциплин именно в сфере образования (включая сюда организационную структуру музеев данного профиля), поскольку эта связь может читаться двояким образом: как форма взаимного обособления (отторжения) и как форма взаимного тяготения. В 1878 г., т. е. примерно в то же время, когда в Англии произошло «поглощение» этнологии антропологией, в России в результате объединения Антропологического и Этнографического музеев был основан Музей антропологии и этнографии. Тенденция к дистанцированию двух дисциплин, следовательно, к установлению между ними союзнических отношений отражена также в названии кафедры этнографии и антропологии на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Напротив, внутреннее деление физической антропологии в России допускает идею слияния, воплощаемую в названии специальной субдисциплины — этнической антропологии, изучающей расовый состав отдельных народов (Р. Ф. Итс иногда называл этническую антропологию «исторической антропологией» [Итс 1987 : 13]). Данные примеры демонстрируют амбивалентность внутренней и внешней формы этнографии / антропологии в соотношении социального (культурного) и биологического компонентов. Знаковые системы в виде обозначений отдельных дисциплин могут заметным образом различаться, решая при этом одни и те же задачи в содержательной области. Любые взаимные трансформации терминов образуют некий треугольник, который мы назовем «антропологическим». В этом треугольнике тонут любые претензии на создание чего-то более или менее оригинального по сравнению с теми представлениями о предметной области этнографии, которые сформировались еще в XVIII в.

В России сохранилась старая научная традиция «описательного родства» этнографии и физической антропологии, кото-

рое формулируется с помощью понятий этногенеза и этнической истории, рассматриваемых в качестве субдисциплин этнографии по формуле **«этногенез, этническая история: этнография и антропология»**.

Вполне вероятно, что переименование в Великобритании этнографии (этнологии) в антропологию определялось не только стремлением придать этнографии особый смысл, т. е. более высокий статус «науки о человеке», но и де-юре утвердить ее единство с физической антропологией в решении определенного круга задач. Здесь понятие «антропология» выступает в роли термина «классификационного родства». Фактическое преимущество в использовании этого термина заключается только в чисто лингвистической красоте схемы **«антропология: социальная антропология и физическая антропология»**.

Если взять для сравнения американскую школу, получается та же самая схема. Ее особенностью является способ соединения культурной антропологии с другими науками, изучающими культуру в широком смысле слова, например археологией и лингвистикой. Если в России все эти науки объединяются понятием «смежных наук», то в США они подводятся под термин «культурная антропология» с тем же конечным результатом, если дело касается распределения значений конкретных областей знания в виде — **«антропология: культурная антропология и физическая антропология»**.

Конечно, антропологический треугольник в отличие от своего геометрического прототипа не является жесткой фигурой. Границы между понятиями, образующими его углы, достаточно подвижны в силу известного закона единства времени, места и авторства. В строгом смысле слова термины, обозначающие эти границы, являются не знаками, а символами, в том значении, которое придавал этому различию Кассирер. Действительно, в наличной системе знаний термины «этнография», «этнология», «антропология» не относятся к какому-либо конкретному бытию, они универсальны, а не локальны [Грязнов 1982 : 135]. За ними стоит не смысл или значение, а некий зрительный образ, разумеется, у каждого свой собственный.

Неизменным остается соотношение между элементами данного треугольника, поскольку все вышеупомянутые варианты имеют одну и ту же, причем часто *подсознательную*, цель — выделение предмета исследования собственной науки. А так

как уже можно предположить, что этот предмет в конечном счете один и тот же, схема противопоставлений, в форме которых он выступает внутри и вовне, в целом остается одинаковой. В частности, российский вариант можно рассматривать как вполне логичное упрощение американского варианта и, наоборот, американский вариант можно считать усложнением российского варианта. Эвристически эти схемы следует считать равноценными именно благодаря установлению ассоциативной связи между этнографией (этногенезом) и физической антропологией (расогенезом). Таким образом, терминологические различия не означают, что в России западная, «антропологическая» структура «смежных наук» не выдерживается.

Наибольшим разнообразием значений характеризуются понятия, образующие вершину антропологического треугольника и выполняющие роль логической связки между вершинами его основания, т. е. двумя содержательными областями — этнографией (или ее терминологическими эквивалентами) и физической антропологией. Можно утверждать, что на вершине треугольника всегда оказываются термины, отражающие попытку синтезировать искусственным путем из предметов различных наук некий всеобщий предмет исследования, в том числе средствами создания специальной системы обучения [Клейн 2005 : 43—46]. В англосаксонских странах на эту роль претендует антропология («наука о человеке»), в России этническая история («наука об этногенезе») или история первобытного общества, которая по составу целей и задач приближается к американской версии антропологии.

В наиболее отточенном виде идея «науки об этногенезе» выражена в определении этнографии Р. Ф. Итса: «Этнография — историческая наука о происхождении и этнической истории народов, формировании специфических особенностей их культуры и быта — составных частей мировой цивилизации» [Итс 1991 : 8]. Тождество понятий «антропология» и «этногенез и этническая история» проявляется в утверждениях, что «чем дальше в глубь веков, тем больше совпадений в этнической и антропологической общности», а также в методической рекомендации вести этногенетическое исследование не только относительно определенного этноса, а также «населения определенной территории». В последнем случае, как писал Р. Ф. Итс, «мы начинаем разработку проблемы от древнейших памятников культуры на изучаемом пространстве... и

приходим к современному этническому составу исследуемого района» [Итс 1987 : 13, 15]. Тождество понятий «антропология» и «этническая история» заключается в обосновании последней как своего рода завершающей стадии исследований в различных областях знания. Этим выражается идея общности некой отдаленной цели, союза этнографии и физической антропологии или — шире — этнографии со смежными науками и физической антропологии.

По мнению А. Н. Анфертьева, этническая история является самостоятельной научной дисциплиной и человек, собирающийся специализироваться на изучении этнической истории, должен в более или менее равной мере владеть всем комплексом необходимых источников [Анфертьев 1993 : 63, 64, 67]. Несколькими годами ранее об этом писали другие авторы. Они определяют этногенез как особую (комплексную) историческую проблему, которая требует интеграции целого ряда наук, этнографии, лингвистики, ономастики, археологии, палеоантропологии, и ставя «задачу синтеза разных источников» («выработки сбалансированного комплексного подхода, основанного на анализе разнородных по своей сути источников») [Клейн 1988 : 17; Милитарев, Пейрос, Шнирельман 1988 : 26].

Отличительной чертой немецкой школы может считаться географическая контаминация термина «этнография». В 1775 г. буквально через несколько лет после рождения термина «этнография», возникла теория И. Гаттерера, задним числом объясняющая происхождение этой науки «как одной из отраслей географии» (аргументом служит тезис об изучении этнографией народов, не имеющих письменности). В связи с этим на определенном этапе возникла теория «антропогеографии» профессора географии Ф. Ратцеля. Структурное соответствие термина «антропогеография» термину «антропология», как кажется, не требует особых доказательств. В этой точке линия, по которой мы идем от идеи к идее, опять замыкается в некий круг. В России открытие «Отделения этнографии» связано с деятельностью Географического общества (1847). Этнографическое образование в России начиналось с создания кафедры географии и этнографии в 1887 г., а созданный в 1918 г. этнографический факультет был частью структуры Географического института [Козьмин 2005 : 64]. Впрочем, претензии на исключительную «географичность» немецко-российской этнографии могут оспариваться. Размытость границ во времени и

пространстве между этнографическими школами различных стран, о которой уже говорилось выше, иллюстрируется пояснениями к термину «этнография» в уже упомянутом Справочнике Британского музея 1910 г. В нем говорится, что антропология, включающая в себя этнографию, по своему происхождению тесно связана с географией [Handbook 1910 : 1]. Вполне естественная точка зрения для музейных специалистов, если учитывать, что первые музейные собрания поступали от мореплавателей и путешественников.

Процесс синтезирования искусственного предмета исследования идет параллельно диссимилиации реального. В сущности к этому и сводится «великий раскол», или «поглощение» этнологии (этнографии) антропологией. О том, что противопоставление этнографии и антропологии определенным образом коррелируется с противопоставлением социальной и культурной антропологии, мы уже упоминали. Различие между британской и американской школами состоит в способах истолкования или — что в данном случае одно и то же — расчленения некогда единого предмета исследования. Первая интерпретирует предмет исследования, рассматривая в качестве ключевого понятие «общества», вторая — понятие «культуры». О внешних причинах, объясняющих это расхождение, можно судить по высказыванию Рэдклифф-Брауна: «Науки о культуре не может быть; можно изучать культуру лишь как характерную черту социальной системы. Поэтому, если вы намерены иметь науку, это должна быть наука о социальных системах» [цит. по: Srinivas 1958 : xvi]. Разумеется, для культурного антрополога социальная система выступает как одна из сторон культуры. В российской науке, т. е. в этнографии, культура и общество всегда рассматривались как две стороны одной медали, что выражается в использовании клише «культура и общество». По этому поводу можно также заметить, что в своей основе понятия культурной или социальной антропологии имеют нечто общее в плане сугубо негативного, т. е. чисто синтаксического, содержания. Для передачи этого значения Лесли Уайт использовал термин «небиологическая антропология» [White 1965 : 636]. К концу XX в. западные ученые попытались преодолеть это искусственное противопоставление с помощью «интегрированного», по выражению Ю. В. Бромлей, термина «культурная-социальная антропология» [Бромлей 1979 : 25].

Проблема самоназвания научной дисциплины имеет и чисто лингвистическую сторону, о чем мы очень часто, если не всегда, забываем. Помимо научного языка дефиниций, термины которого должны быть однозначными, те же самые термины выступают в роли естественного языка науки, следовательно, неоднозначны по своей природе. Это легче показать на примере соотношения терминов «этнография» и «этнология». До недавнего времени в отечественной науке синонимичность этих терминов не вызывала никаких сомнений в связи с утверждением, что этнография объединяет как описательную, так и теоретическую стороны исследования народов мира» [Этнография 1982 : 4—5]. Теперь это приходится доказывать. Как пишет В. С. Бузин, сторонники переименования этнографии в этнологию «не учитывают (или не знают) того, что научное описание предмета уже представляет собой его изучение» [Бузин 2007 : 5]. Его формулировка задевает очень важную струну, которая до сих пор не звучала. Термины, являющиеся обозначениями научных дисциплин, становятся терминами естественного языка (русского, английского, французского), а, следовательно, подчиняются его законам. Речь идет о так называемой недифференцированности значения слова в одном языке сравнительно с другим: «...один язык дает возможность не выражать различия между определенными понятиями, в то время как другой язык вынуждает пользующегося им обязательно выразить эту разницу» [Бархударов 1975 : 78, 84]. Согласно одному из ранних определений этнографии С. А. Токарева, «это — наука, описывающая или изучающая народы» (курсив наш. — П. Б.) [Токарев 1958 : 8].

Термины «этнография», «этнология», «антропология», образуя собой семантические или лексические поля, в разных языках различным образом членят один и тот же отрезок объективной действительности как в отношении *подхода* (формы познания от низших к высшим: наблюдение / описание / изучение / исследование), так и *того, к чему подходят* (сам предмет исследования). Например, в русском языке выражение «культура и общество» имеет явно идиоматический характер, отражая недифференцированность значения составляющих его слов, подобно тому как не дифференцировано значение слова «описание», на что, собственно говоря, и указывает В. С. Бузин. Точно так же в западноевропейских языках слово «антропология» имеет недифференцированное значение, тогда

как в русском языке оно исторически ассоциируется только с расовыми различиями. С этой точки зрения построение иерархии наук «антропология, этнология, этнография» представляет собой попытку перенести на язык науки явление перераспределения значений в естественном языке. Можно также предположить, что решение о приоритете термина «этнография», принятое в 1929 г. [Этнография 1929 : 117], было обусловлено не только марксистской догмой, но и внутренним строем российской системы образования (естественного языка науки).

Само по себе распределение и соотношение смысла терминов антропологического треугольника содержит в себе методичку преподавания соответствующего предмета. Для того чтобы, например, в России выпустить «социальных антропологов» или «культурных антропологов» как специалистов, недостаточно издать учебные пособия или прочесть курсы под соответствующими названиями. Для этого необходимо переделать всю существующую систему взаимоотношений между гуманитарными дисциплинами. Это тем более трудно сделать по той причине, что подобные вещи не всегда четко осознаются. Кроме того, задним числом придется пересмотреть, буквально переименовать всю историю российской этнографии. Без проведения такой гигантской и, кстати говоря, бессмысленной работы так называемые социальные или культурные антропологи на практике всегда оказываются плохо обученными этнографами.

«Ослиные уши» этнографии торчат в любом самом антиэтнографическом определении дисциплинарного пространства «антропологии». Вопреки достаточно громким декларациям контаминацией термина «антропология» всегда выступает не столько «наука о человеке», сколько «наука о народах» во всех частях исторического спектра значений. Именно этим объясняются неоднократные попытки выстроить иерархию трех научных дисциплин, в которой этнография занимает низшую («описательную») ступень. В данном случае, если рассуждать по Фрейдю, понятие низшего эквивалентно понятию основного (базисного, внутреннего, подсознательного). Рэдклифф-Браун предлагал «ограничить употребление термина «этнология» изучением культуры методом исторической реконструкции (т. е. в терминах советской этнографии — этногенезом), а термин «социальная антропология» употреблять как обозначение исследования, которое стремится формулировать общие законы,

лежащие под явлениями культуры. Этнология изучает культуру методом исторической реконструкции, а социальная антропология ищет и исследует общие законы, которые стоят за явлениями культуры [Radcliffe-Brown 1958 : 8]. Нет смысла перечислять все подобные попытки. Фокус в том, что, следуя этой, в общем-то наивной, идее, определить область исследования этнологии и социальной антропологии можно только опираясь на представление об этнографии, но не наоборот. На этом примере мы видим, как исследователи, сами того не замечая, постоянно переводят вопрос из одной плоскости в другую. Тема специализации в области метода (теоретические или экспериментальные / полевые исследования) смешивается с темой предмета (области) исследования. В какой-то мере данная ситуация подходит под определение науки вообще как деятельности исключительно в сфере языка, с той разницей, что это все-таки нужно рассматривать как ошибку, а не как объективный закон познания мира.

Из этого, в частности, следует, что университетское образование в области языка науки должно и может сохранять свою национальную идентичность, ибо помимо особенностей языка существует некая содержательная область развития научной мысли. Как известно, связь между языком и мыслью существует, но не является абсолютной. Поэтому единство этнографической науки, которую мы представляем, обеспечивается как бы помимо нас непрерывностью исследовательского пространства. Это происходит, во-первых, непосредственно за счет единства предмета исследования, во-вторых, за счет единства парадигмы исследования или, точнее, общности истории смены исследовательских программ. Остается только понять, в чем заключается предмет исследования и парадигма («теория теорий») этнографии.

Культурная антропология: между биологией и философией

Исторические (национальные) условия не детерминируют взаимоотношения между дисциплинами абсолютно, либо увеличивая, либо уменьшая дистанцию между этнографией и физической антропологией. В американской науке дисциплинарное расстояние между этнографией (культурной антропологией) значительно короче. Вероятно, поэтому представление об